

Глава 28. Стражи преисподней (XVII)

— Мы познакомились с Цю Шутянем еще в юности и вместе росли. Его нрав всегда был вспыльчивым и неистовым. Я видела, как он обретал силу, как твердил, что проложит среди изгоев истинный путь, чтобы больше никто не смел его унижать.

В глазах Мо Чжилян плеснулась непритворная горечь. В ее зрачках, словно в зеркале, отразился смутный силуэт — образ того самого юноши, когда-то дававшего звонкие клятвы. Чан Фулянь слушал ее, и в его взгляде то и дело вспыхивали странные искры.

— Постепенно наши пути разошлись. Отец никогда не одобрял нашей связи и, когда пришло время, самолично сосватал меня за наследника семьи Шуй. Я боролась, я сопротивлялась, но в итоге сердце мое ожесточил не отец, а он сам. Его поступки становились всё более вызывающими, он переступал все границы. Я пыталась его образумить, умоляла — всё впустую. Он делал лишь то, что хотел, становясь всё более нетерпимым... Я больше не могла этого выносить. Я ушла от него и покорила воле отца.

Воспоминания о прошлом всё еще причиняли боль. Мо Чжилян сделала паузу, пытаясь перевести дух, и продолжила:

— До свадьбы мы с Фучжоу ни разу не виделись. В то время в моей душе царил мертвое спокойствие, я ни о чем не мечтала — лишь хотела прожить остаток дней в тишине. Фучжоу оказался человеком честным и добрым, рядом с ним я чувствовала себя защищенной. Он не умел говорить красивых слов, но заботился обо мне так, как никто другой. Сама того не замечая, я привыкла к роли госпожи Шуй и стала во всем на него полагаться. Появление Цинлин сделало нашу семью полной. Я думала, что это судьба: когда я уже готова была поставить на себе крест, небо послало мне бесценный дар. Фучжоу и Цинлин — единственные люди, которых я любила в этой жизни. Я просто хотела жить, воспитывать дочь и состариться рядом с мужем.

Она горько усмехнулась своим мыслям.

— В молодости разум еще не окреп, и легко свернуть не туда. Со мной случилось именно это, и я меньше всего хотела, чтобы моя дочь повторила мою судьбу. Я была с ней строга с самого детства. Когда она вошла в нежный возраст, мы с отцом договорились о помолвке со Старшим молодым господином Чжаном. Но кто же знал... дочь выросла, у нее появились свои желания, которые не удержишь взаперти. Это я виновата, я проявила упрямство. Между детьми была слишком большая пропасть, Цинлин была обречена на страдания. Я не хотела, чтобы ее сердце разбилось, не хотела, чтобы она вернулась ко мне, набив шишек и истекая кровью. Покой и благополучие — вот и всё, чего я желала для своей дочери.

Мо Чжилян судорожно вздохнула.

— После этого я стала контролировать каждый ее шаг, позволяла лишь ездить в храм Танби для молитв. И пока я разрывалась между делами дочери, он нашел меня. Судьба жестока: я

давно отреклась от прошлого, но он не пожелал меня отпускать...

Госпожа Шуй почувствовала вспышку ненависти. Она нежно посмотрела на всё еще спящую дочь, прикоснулась ладонью к ее щеке, и в этот момент изо рта ее хлынула кровь.

— Госпожа!.. — Чуаньянь в слезах приложила платок к губам хозяйки, пытаясь вытереть алые капли.

Мо Чжилян, слабея, продолжила:

— Он явился к дверям моего дома и потребовал, чтобы я вернулась. Но у меня уже была семья! Прошлое развеялось как дым, разве можно повернуть время вспять? Я умоляла его не тревожить мою жизнь, но его одержимость не знала границ. Он ушел, бросив напоследок угрозу: он заставит меня вернуться по собственной воле. С тех пор он не появлялся сам, но людей, которых он присылал, я узнавала с первого взгляда. Фучжоу ничего не знал о моем прошлом, и я, боясь беды, во всем ему призналась. Он хотел решить это дело сам, тайно встретился с теми людьми, и между ними вспыхнула ссора. Я отправилась на поиски, но муж словно сквозь землю провалился. Цю Шутянь не желал меня видеть и не отступал. А вскоре в поместье Шуй прислали марионетку — человека в маске, в точности повторяющей лицо моего Фучжоу, чтобы держать меня под надзором.

— Уже тогда у меня было дурное предчувствие. Зная, каким жестоким он стал, я понимала: Фучжоу вряд ли жив. Столько лет прошло... он не пощадил моих чувств. Теперь, когда муж пропал, а под боком день и ночь находился этот подменыш, я не могла допустить, чтобы пострадала Цинлин. Она ничего не знала, и я не могла позволить ей узнать — это убило бы ее. Я жила в вечном страхе, мучаясь бессонницей, а когда Цинлин заболела после возвращения из храма, мое сердце едва не разорвалось. Я разрывалась между заботой о ней и тайными поисками мужа. И когда я обнаружила тело Фучжоу в тайном переходе... я окончательно умерла. Он загнал меня в угол.

— Цинлин была без сознания, но ради нее я обязана была держаться. Сначала я подозревала, что это его рук дело, но дочери стало лучше. Она начала бороться со мной, мы спорили из-за того юноши... Она кричала, что я не должна лишать ее свободы, не должна вмешиваться в ее судьбу. Фучжоу больше нет, мое сердце истекало кровью, а каждое слово Цинлин жалило меня, точно шип. Мне казалось, она так безрассудна, ведь я и без того настрадалась. После очередной бурной ссоры я в гневе дала ей пощечину. Я никогда не забуду ее взгляд в ту минуту — она прижала ладонь к покрасневшей щеке и смотрела на меня с такой яростью... Должно быть, она возненавидела меня в тот миг. И снова слегла.

— Госпожа, нет... Молодая госпожа не могла вас ненавидеть, — Чуаньянь не выдержала и разрыдалась, качая головой.

— Пусть ненавидит, это я во всем виновата, — Мо Чжилян содрогнулась, и она снова сплюнула кровь. — Кх... Позже к нам заходил Полубессмертный монах- послушник. Он сказал, что у моей девочки редкий дар, и хотел забрать ее на обучение. Но тогда за домом следили, я

боялась сделать лишний шаг и не могла расстаться с ней. Мне казалось, рядом со мной ей будет безопаснее. Теперь же я думаю: может, стоило отдать ее Мастеру Нихуэю? Тогда бы он не смог давить на самое больное.

— Цинлин без сознания уже много дней, ее разум угасает. Я знаю нрав этого человека: теперь он умеет лишь губить, но не спасать. Он убил Фучжоу, и я не доставлю ему удовольствия — я готова уйти вслед за мужем. Единственное, что меня держит, — моя дочь.

Мо Чжилянй тяжело дышала, не сводя глаз с Чан Фуляня:

— Лекарь Чан, я знаю, что вы найдете способ спасти Цинлин. Моя жизнь кончена, но она еще так молода... Она должна сама познать все вкусы этого мира. Это эгоистично с моей стороны — оставлять ее одну, но я обязана быть суровой, чтобы защитить ее будущее.

К этому моменту силы окончательно покинули ее.

— Не беспокойтесь, госпожа Шуй. Чан принял ваше письмо с запросом на призыв духа, а значит, сделает всё, что в его силах.

Старик повернулся к внуку:

— Я-эр, Цинлин сейчас находится в пограничном состоянии. Установи связь и помоги ей ухватиться за момент пробуждения сознания. Когда ее сознание прояснится, осуществи возвращение души.

— Слушаюсь, дедушка, — Чан Я принял приказание, сел перед девушкой, скрестив ноги, и закрыл глаза.

Море духа Шуй Цинлин внезапно распахнулось перед ним. Психическая энергия была спутана в тугие узлы, разум блуждал в хаосе. Чан Я ощутил, как на него навалилась душная, давящая тяжесть. Он направил свою энергию вперед и первым делом наткнулся на страх. Этот ужас был почти осязаемым: перед внутренним взором возникли кошмарные лики стражей преисподней — Бычья голова и Лошадиная морда. Продвигаясь глубже, Чан Я почувствовал под покровом этих жутких масок нечто иное: смятение, скорбь и ненависть. Эмоции были настолько сильны, что он невольно сжал кулаки, пытаясь не захлебнуться в чужой боли.

Внезапно возник чей-то силуэт. Человек в зеленых одеждах мягко улыбался. Он беззвучно произнес фразу.

Лу Цифэн! Это он.

Лишь образы тех, кто дорог сердцу, способны проявляться в море духа. Несмотря на тяжесть, Чан Я понимал: время не ждет. Он должен использовать образ Лу Цифэна, чтобы пробудить

сознание девушки.

Он проник в сферу ее разума, раз за разом посылая одну и ту же мысль: Лу Цифэн ждет ее. После нескольких попыток духовные колебания Шуй Цинлин стали сильнее. Чан Я уже готов был закрепить успех, как вдруг его захлестнула иная волна — неизведанная, черная. Ужас, невыносимая тоска и вина обрушились на него, заставив на миг оцепенеть. Связь оборвалась.

Потери энергии были слишком велики. Чан Я тяжело хрипел, ловя ртом воздух. Встретившись взглядом с дедом, он едва заметно качнул головой.

— Не выходит.

— Теперь я, — решительно произнес Чан Фулянь.

— Я попробую еще раз, — перебил его Чан Я. Этот процесс слишком изнурял дух, и деду с его здоровьем это могло навредить. К тому же он уже прошел половину пути и знал, с чем столкнется. Его тело было чувствительнее, он справится лучше.

— Смотри, не переоцени силы, — предостерег старик.

Цэнь Сяолу, придерживая раненую руку, замер рядом с ним, сосредоточенно наблюдая. Чан Я собрался с мыслями и снова сконцентрировал всю волю.

На этот раз соприкосновение душ прошло гладко. Однако когда Чан Я попытался снова найти образ Лу Цифэна в море духа, тот исчез. Он заволновался: неужели у нее больше не осталось опор?

—... Мама...

Слабый зов эхом отозвался в сознании Чан Я. Он прислушался.

— Мама... матушка...

Голос становился всё отчетливее. Это был призыв к госпоже Шуй. Мать ошибалась: дочь не ненавидела ее. Именно эта связь была той самой нитью, способной удержать заблудшую душу.

— Твоя мама ждет тебя, скорее возвращайся!

Волевой импульс пронзил море духа, сокрушая последний барьер. Хаос рассеялся, и Шуй Цинлин медленно открыла глаза.

— Молодая госпожа! — Чуаньянь заплакала от счастья. — Госпожа, она очнулась!

— Цинлин... — Слеза скатилась по щеке Мо Чжилян. — Моя девочка. Прости... матушка виновата перед тобой.

— Мама... — прошептала Цинлин, но взгляд ее еще не обрел фокуса.

Цэнь Сяолу вовремя подхватил обмякшее тело Чан Я. Юноша почувствовал, что оказался в надежных руках, и с благодарностью оглянулся на Сяолу.

— Ты как? — Сяолу нахмурился.

— В порядке, — выдохнул Чан Я и, чуть придя в себя, выпрямился.

— Госпожа Шуй, ваша дочь пришла в себя, прошу вас, продержитесь еще немного. Сейчас я завершу возвращение души.

Чан Фулянь подготовил всё необходимое, усадив мать и дочь спиной друг к другу.

— Госпожа Шуй, зовите ее! — Его голос, подкрепленный духовной силой, ворвался в сознание женщины.

— Цинлин, не бойся, иди к маме.

— Мама, мама... не уходи... не оставляй меня одну...

Сердца забились в унисон, дух и душа воссоединились!

Шуй Цинлин резко распахнула глаза. Ее взгляд, до этого блуждавший, стал ясным. Она качнулась и упала на руки Чуаньянь.

— Госпожа!

— Чуань... Чуаньянь?

— Это я, я, — служанка утирала слезы.

Мо Чжилян была подобна сломанному луку, исчерпавшему все стрелы. Увидев, что дочь спасена, она больше не могла бороться. Тело ее обмякло, и она тяжело рухнула на землю.

— Мама! — Цинлин, преодолевая слабость, поползла к ней и упала на колени. — Мама, что с тобой?!

С бледного лица девушки градом катились слезы. Дрожащими руками она пыталась вытереть кровь, сочившуюся из уголков губ матери, но той становилось лишь больше, и она никак не кончалась.

<http://bllate.org/book/17545/1713702>